

М.В. СТРОГАНОВ

Тверь

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ВИНА: ПУШКИН И ДРУГИЕ

Поскольку знания автора-пушкиниста в области мировых литератур не столь обширны, то предпочтительнее оставаться на своем поле, лишь изредка заглядывая за границу своей необъятной страны.

Как показывает читательский опыт, вино в литературе с давних времен есть основа для создания всяких метафор. Полный бокал вина – это метафора полноты жизни, любви. Выпитый бокал вина – метафора, соответственно, уходящей жизни, любви. Ср. у Пушкина сложную метафору «праздник Жизни»:

Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел Ее романа...¹

Не допить бокал вина – умереть, не исчерпав полного счета лет. Пир, на котором льется вино, – метафора роскошного буйства ума, духа:

Того-сего пленительную смесь
Всегда люблю, везде желаю;
Однообразием скучаю
И за столом прошу и здесь
Того-сего.

Старик Вольтер дар угождать имел
Царям, философам, повесам,
Он рассыпался мелким бесом
И кстати подносить умел
Того-сего².

Эта метафора в свою очередь провоцирует характернейший каламбурный сдвиг *пир духа*. Спор философов пьяного и трезвого, ставший сюжетом стихотворения Державина, к которому мы еще вернемся, – это спор о том, в чем истина: в вине ли, либо в воздержанности. Пьяное буйство – это метафора творчества, восторженности (т.е. *исторгнутости вверх*, за пределы обычного житейского круга): пьяные менады убивают

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. [Л.], 1948. Т. VI. С. 190. Далее цитаты из произведений Пушкина даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте в скобках.

² Вяземский П.А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 130.

Орфея, но ведь он, по сути, сам виноват в этом, вызывая своим творчеством восторженность. Примеры можно умножить.

Пытаясь объяснить, почему это происходит, почему вино взяло на себя такую продуктивную функцию – порождать многочисленные метафоры, трудно найти иное объяснение, кроме ниже следующей истории.

В период андроповской борьбы с пьянством, когда не только запретили продажу спиртных напитков до 14.00, не только по пивным шалманам разезжали менты, отлавливая выпивающих во время рабочего дня мужиков, не только вырубали виноградники в Крыму и на Северном Кавказе, и т.д... Итак, случилось как-то зайти нам с женой в винный магазин, куда только что завезли, а народонаселение еще не осознало, и потому очереди не было. А прилавки, чтобы спасти товар и продавцов от страждущих и жаждущих, были загорожены в то время железными решетками, и витрины находились на значительном отдалении от вожделеющих их взоров. Итак, попав в этот благословенный момент в магазин, мы увидели чудо: помимо водки на прилавке стояли две бутылки вина с разными этикетками. Такого не бывает! «Скажите, какое у вас вино?» – спросили мы продавщицу. – «Какое вино? Вино!» – как и положено продавщице, неловко отвечала она. – «Ах, мы понимаем, но как оно называется?» – «Да чего называется: вино, оно и есть вино!» – нравучала нас тетка, исходя из совершенно верной презумпции, которую мы, глупые люди, не понимали.

Вино, оно и есть вино. Это еда бывает разная. Нельзя сказать: я еду ем. Это работа бывает разная. Неправильно, и в силу этой неправильности часто нарочито употребляется: я работу работаю. (Представьте, как смешно было бы отдых отдыхать!) Но вино всегда одно. И поэтому совершенно корректно со всех сторон (грамматических, лексических сочетаемостей, логических и проч.) сказать: я пью вино. Венечкины извращения только на этом нормальном фоне и могут «работать»: его разнообразнейшая номенклатура должна быть воспринята нами как изыск и перебор. Потому что любой здравомыслящий советский работяга не будет думать ни о «Слезе комсомолки», ни о «Соловьином саде»: портвейн он и есть портвейн. И очень хорошо все, даже не знающие не только португальского, но и никакого другого языка, очень хорошо все понимали, что в самом названии портвейна скрыто вино.

Вино, оно и есть вино. И хотя мы понимаем, что это вовсе не так, что в жизни у людей бывают разные пристрастия и предпочтения, теоретически все признают, что вино, оно и есть вино. Это и создает предпосылки для порождения вином такого большого числа метафор.

Второе любимое литературой употребление вина – это его характерологические свойства. Вино может характеризовать национальность, социальную принадлежность (в самом широком смысле слова). «Как дикий скиф хочу я пить» (III, 390) – это утверждение означает, что пушкинский герой хочет пить не разведенное вино, тогда как в обычае у гре-

ков было как раз питье разведенного водою вина. Другой пример – рассказ героя одного романа Булгарина: «Я провел целый день с англичанином. Он старался утопить в вине свой сплин, а я хотел залить мое горе»³. Булгарин, ясно, следует за Пушкиным:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу... (VI, 21).

Но использует он для этого не вполне корректно собственно русские (национальные) фразеологизмы: *утопить в вине (что-л.)*, *залить вином (что-л.)*. Ср., в частности, у знатока этого дела Ап. Григорьева: «Загуляй да запей, Топи тоску в море!»⁴. Или еще пример, на этот раз из «Евгения Онегина». Пристрастие пушкинских персонажей к тому или иному вину, как правило, оказывается не случайным и служит дополнительной характеристикой. Так поместные дворяне рассуждают об Онегине: «Он фармазон; он пьет одно Стаканом красное вино» (VI, 33). На самом же деле Онегин красное вино не пьет, а только белое. Более того, в отличие от столичного знатока французских вин Онегина скромные провинциалы Ларины живут экономно и предпочитают дорогому моту более дешевое донское игристое. Поместные дворяне пьют, разумеется, не меньше Онегина. Широкой популярностью в поместной среде пользовались поддельные вина, которые имитировали вкусовые качества импортных дорогостоящих вин, но, произведенные в своем натуральном хозяйстве или даже закупленные на ярмарках, они обходились прижимистым помещикам значительно дешевле. Поддельные вина изготовлялись в домашних условиях не только для себя, но и на продажу.

Наконец, следует предположить еще один источник высокой продуктивности вина, его больших смыслопорождающих способностей. Речь идет о противопоставлении вина воде. Напомню известный парафольклорный текст: «Вода, я пил ее однажды: Она не утоляет жажды». Возможно, именно это или нечто подобное имел в виду Пушкин, когда писал в Путешествии Онегина, что в Одессе

...есть недостаток важный:
Чего б вы думали? – воды

³ Булгарин Ф. Сочинения. М., 1990. С. 159. Подробнее об этом употреблении вина в творчестве Пушкина см.: Строганов М. В. «О разных кушаньях и пробках» (Что едят и пьют герои «Евгения Онегина») // История в лицах: Историко-литературный альманах. Череповец, 1993. Вып. 1. С. 103–118; он же. Вино; Вода (брусничная, яблочная) // Онегинская энциклопедия: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 184–186, 196.

⁴ Григорьев А. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 112.

<.....>

Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошрины привезено (VI, 203).

Рассмотрим это явление на примере послания А. С. Пушкина 1829 г., адресованного П. А. Катенину в ответ на его стихотворение «Старая быль» (1828), сопровождаемое посылкой «А. С. Пушкину». Начинается послание Пушкина такими стихами:

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед! (III, 135).

Последний стих здесь – давно установленная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Философы пьяный и трезвый» (1789), где Пьяный (тип эпикурейца) после каждой строфы-тезиса призывает:

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед! –

а Трезвый (носитель горацианской золотой середины и умеренности) после своего тезиса отвечает:

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед⁵.

Пушкин в роли умеренного Трезвого философа даже в эти довольно зрелые годы трудно представим. Он не просто связывается в нашем бытовом сознании «с блядьми, вином и чубуками» (II, 77) – такое восприятие он во многом сам сознательно запрограммировал. Именно поэтому требуется объяснить, почему в своем послании к Катенину он ответил отказом на призыв выпить. Ю. Н. Тынянов давно уже описал политический спор, отраженный в этих стихах⁶, и верно указал, что спор эллина и русского певца в «Старой были» является аллегорией политических позиций Пушкина и самого Катенина в трактовке последнего. Эллина, воспевавшего царя, достались как победителю в награду конь и воинские доспехи, вовсе не нужные ему, а русскому певцу, отказавшемуся от соревнования, так как, по его собственным словам,

⁵ Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 130–132.

⁶ См.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 74–84 (статья «Архаисты и Пушкин», 1926).

...петь о великих царях и князьях
Ума не достанет, ни силы⁷, –

кубок, из которого он тут же и выпил вместе с друзьями. В послышке Катенин говорит о судьбе этого кубка: он якобы достался по наследству настоящему поэту – Пушкину, но устроен он по принципу «напейся – не облейся»: из него, не облившись, могут пить только истинные поэты. Кокетничающий Катенин боится пить из этого кубка и предлагает Пушкину другой сосуд:

Надеждой ослеплен пустою,
Опасным не прельщусь питьем
И, в дело не входя с судьбою,
Останусь лучше при своем;
Налив, тебе подам я чашу,
Ты выпьешь, духом закипишь,
И тихую беседу нашу
Бейронским пенъем огласишь⁸.

Сам Катенин не пьет из кубка поэтов – это еще понятно: он кокетничает и скромничает. Но и Пушкина, у которого хранится этот кубок, он намерен поить из другой чаши, что дает основания предположить, будто и в Пушкине он не видит истинного поэта.

Кажется, именно это и задело Пушкина⁹. В «Старой были» Катенин несколько перемудрил и дал основания для противоположных толкований текста. Конечно, он, с одной стороны, довольно прозрачно намекал, что Пушкин, подобно эллину, воспеваает царей; однако, с другой стороны, именно Пушкину достался кубок – награда русского поэта, отказавшегося воспевать князя. Стало быть, аллегория могла быть прочтена не как обличение Пушкина, но как согласие с его позицией.

Другое дело – послышка. Здесь Катенин передергивает факты вполне сознательно. Сначала сам отказывается пить из кубка настоящих поэтов, а потом подносит вместо него другую чашу Пушкину. И вот тогда Пушкин вспоминает спор двух державинских философов. Катенину отводится роль Пьяного; себе самому Пушкин выбирает роль Трезвого.

⁷ Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л., 1965. С. 183.

⁸ Там же. С. 185.

⁹ Вообще «Старая быль» оказала весьма серьезное влияние на творчество Пушкина 1828 г. Как уже приходилось писать, она сказалась в формировании образности стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов...» (Строганов М. В. [Рец.] Ивинский Д. П. Пушкин и Мишкевич. Материалы к истории литературных отношений. 1826–1829. М., 1999 // Новое литературное обозрение. № 45 (5). 2000. С. 419–420). Здесь укажем также, что толчком к созданию «Анчара» явилась, видимо, также «Старая быль», в которой описано искусственное дерево, осеняющее царский трон. (Не отсюда ли и пушкинские колебания в выборе названия героя «Анчара»: *царь* и *князь*.)

Вообще в конструкции державинского стихотворения герои поставлены в неравные условия. Пьяный трижды начинает полемику, и трижды Трезвый отвечает ему: «Не пью, любезный мой сосед!» Замыкающая текст реплика звучит всегда более авторитетно, нежели начинающая, уже по этому мы можем судить, что Державин отдает предпочтение умеренности и «золотой середине». Пушкин...

Но с Пушкиным дело обстоит сложнее. Катенин, как мы уже цитировали, призывал Пушкина огласить их «тихую беседу Бейронским пением». Пушкин заключил свое колючее послание следующими стихами:

Я сам служивый – мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строениях Парнасса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай (III, 135).

Здесь Корнель и Тасс (любимые поэты Катенина-переводчика) – символы классицизма, как Бейрон в стихах Катенина – символ романтизма (вот почему так оскорбителен оказался для Пушкина намек Катенина на тех двух молодых романтиков, на которых следует проверить кубок «напейся – не облейся»). Разозлившись, Пушкин предлагает Катенину остаться в строениях Парнаса, который часто путали с горой Геликон, где находился источник Ипокрена – символ вдохновения. Все поэты пьют из Иппокрены и напиваются до вдохновения. Об этом говорил еще Гораций:

И как только Либер поэтов-безумцев к Сатирам и Фавнам причислил,
Стали с утра уж вином попахивать нежные музы¹⁰.

В.К. Тредиаковский (вслед за одой на сдачу Намюра Н. Буало) начинал свою «Оду торжественную о сдаче города Гданска» (1734) сравнением вдохновения и опьянения:

Кое странное пианство
К пеню мой глас бодрит!
Вы, Парнасское убранство,
Музы! ум не вас ли зрит?¹¹

Пушкин в качестве обычного человека не прочь был выпить, о чем неоднократно писал в стихах и прозе. Пушкин-поэт отказывается от привычных, тривиальных образов, занесенных со времен Горация. Вот еще одна из причин его странного ответа Катенину.

¹⁰ Гораций. Собр. соч. СПб., 1993. С. 322. Подробнее см.: Строганов М.В. Ипокрена // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 468.

¹¹ Поэты XVIII века. Л., 1958. Т. 1. С. 178.

Вино по-разному употребляется в литературе. Но всегда не само по себе. Именно поэтому вино едва ли можно рассматривать в качестве отдельного, самостоятельного мотива в литературном тексте. Либо следует оговаривать и разграничивать разные способы употребления вина: так сказать, мотивированные и не мотивированные, – либо придется признать мотивом в литературе все, что ни попадает под руку: метафору, сюжетную характерологическую деталь и даже карту вин того или иного писателя, реконструируемую не по мемуарной литературе (что было бы корректно, но не имело бы отношения к литературному тексту), а по его произведениям (что абсолютно некорректно, даже если карты вин В. Ерофеева и Венечки совпадают; а ведь не совпадают!). Такое признание мотивом в литературе всего, что ни попадает под руку, думается, было бы не верно.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Тверской государственный университет

**Литературный текст:
проблемы и методы исследования**

8

Мотив вина в литературе

Сборник научных трудов

Тверь 2002